

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМЫ

Серия «Политология. Религиоведение»
2009. № 1 (3). С. 227–232
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 94(47)

Повседневная жизнь населения Байкальской Сибири в XX веке: к постановке проблемы

Л. В. Занданова

Иркутский государственный педагогический университет, г. Иркутск
e-mail: zandanova@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы истории повседневной жизни населения Байкальской Сибири в XX в. как научной проблемы.

Ключевые слова: население Байкальской Сибири, история повседневной жизни, научная проблема.

Сибирь – огромная часть России, регион пионерного освоения, однако в общероссийской истории Сибирскому региону не уделено должного внимания. В то же время проблема заселения и хозяйственного освоения Сибири на протяжении длительного времени остается традиционной и актуальной для сибиреведческой исторической науки. На сегодняшний день сибирскими учеными проделана большая работа по воссозданию конкретно-исторической картины развития Сибири в составе России/СССР, однако происходящие трансформации в историческом знании приводят к появлению новых тем, теоретических подходов, методов источниковедческого анализа, что требует дальнейшего изучения источников и расширения проблематики исследований по истории Сибирского региона. Выделение в качестве объекта исторических исследований одной из его частей – Байкальской Сибири – поставило перед историками и новые задачи, обусловленные масштабностью проблемы, широтой географического и хронологического охвата, большим разнообразием исторических и социокультурных явлений, определяющих специфику региона, той ролью, которую он играл в развитии Сибири и Российского/Советского государства. Решение этих задач возможно только на основе анализа регионального материала и определения спектра проблем.

В качестве одной из проблем истории Байкальской Сибири может стать жизнь ее населения в ракурсе истории повседневности, которая развивается в рамках «новой социальной истории». Отличие «новой социальной истории» от старой, «классической» заключается в том, что она позиционируется как одна из ведущих научных дисциплин, что связано с процессом обновления методологического арсенала исторической науки в целом. Социальная история сегодня интерпретирует историческое прошлое с позиций социальности,

раскрывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и отношений между ними. В основе «новой социальной истории» лежит принцип междисциплинарности, т. е. опоры на достижения ряда вспомогательных дисциплин, заложенный еще в научной парадигме школы «Анналов», основанной М. Блоком и Л. Февром в 1950-е гг.

В 1960–70-х гг. новизна междисциплинарной ситуации заключалась, по определению Л. П. Репиной, в том, «что речь шла уже не только об использовании данных и методик других дисциплин, но и об интеграции на уровне объектов их научных интересов, и более того – о конструировании междисциплинарных объектов» [3, с. 7]. Центральным предметом исследования «новой социальной истории» стал «человек в обществе», что обусловило ее абсолютную принадлежность к междисциплинарной истории в полном смысле слова.

1980-е гг. стали периодом поиска новых теоретических моделей и концепций, которые были бы способны обеспечить практическое применение в конкретно-исторических исследованиях системно-структурного и социокультурного подходов, на которые опирался комплексный метод социального анализа. Именно тогда главной задачей социальной истории была провозглашена реконструкция человеческого опыта переживания крупных структурных изменений, которая виделась в исследовании самих крупных структурных изменений, в описании жизни простых людей в ходе этих изменений и связи между тем и другим, в результате чего происходила «инкорпорация повседневной жизни в бурные воды исторического процесса» [3, с. 10]. Как кратко сформулировал А. К. Соколов, социальная история сегодня призывает «во-первых, полностью отказаться от политики и идеологии; во-вторых, заменить историю «сверху» историей «снизу»; в-третьих, осуществлять своеобразный исторический синтез на микроуровне общества; в-четвертых, отказаться от научно-исторического объяснения, вернуть историю к рассказу, повествованию, но на ином витке, на уровне так называемого «структурного нарратива», который должен строиться на основе языковых когнитивных структур и герменевтического прочтения источников» [5, с. 77].

Изучение истории «снизу» позволяет сегодня изменить традиционное представление о том, как должно строиться историческое исследование, т. е. рассматривать историю не через официальный дискурс – восприятие «сильных мира сего», как это было в рамках марксистской методологии, а как бы «изнутри», выясняя, как складывалась жизнь обычных людей, какая связь была между ними и властными структурами, какие существовали формы общественного бытия, повседневные практики выживания рядовых людей и т. д.

Ситуация методологического выбора, сложившаяся в нашей стране в 1980–90-е гг., заставила историков пристально взглянуть на зарубежную историографию и методологию, среди множества направлений и течений которых особенной известностью пользовались «история ментальностей» и «историческая антропология». Историческая антропология, положенная в основу работ представителей школы «Анналов», имеет свою специфическую проблематику, которая направлена на символику повседневной жизни, привычки, ритуалы и пр., заимствуя многое из этнологии. В то же время она много

внимания уделяет так называемому хабитусу, т. е. матрицам поведения, восприятия и мышления определенной социальной группы людей, их стратегии поведения в сложившихся жизненных обстоятельствах. Таким образом, антропологизация исторического исследования направлена на отход от макроистории и повышенное внимание к микроисторическим процессам и явлениям.

В российской историографии работы, написанные в рамках исторической антропологии, несмотря на марксистские подходы к истории, появлялись нередко (Б. А. Романова, Ю. М. Лотмана, Б. Ф. Поршнева, А. Я. Гуревича и др.), хотя как самостоятельное направление историческая антропология сложилась недавно.

В наше время рамки антропологического подхода все более расширяются, в них все больше места отводится истории повседневности, будней и праздников, истории частной жизни, семьи, детства и т. д. Особенно популярной становится сегодня история повседневности; в свет выходит множество книг, посвященных повседневной жизни, часто переводных, которые не имеют научного значения. Это отнюдь не означает, что у формирующегося направления нет перспектив. Наоборот, в отличие от советских работ, когда под повседневностью понимали либо только материальную сторону жизни, либо описание быта и традиций населения (что, как правило, было присуще этнографам), по мнению М. М. Крома, «современный, антропологизированный вариант истории повседневной жизни исходит из того, что люди активно участвуют в постоянном процессе создания и переустройства структур повседневности, они пытаются “присвоить” и приспособить к себе тот жизненный мир, который их окружает» [1, с. 131]. М. М. Кром отмечает, что все академические работы страдают одним недостатком: отсутствием продуманной концепции того, что, собственно, называется повседневностью [1, с. 130]. В связи с этим следует обратиться к статье Ю. А. Полякова, в которой он высказывает мнение о том, что «история по существу – это повседневная жизнь человека в ее историческом развитии, проявление стабильных, неизменных свойств и качеств в соответствии с географическими и временными условиями, рождением и закреплением новых форм жилья, питания, перемещения, работы, досуга» и очерчивает круг проблем, входящих, по его мнению, в сферу истории повседневной жизни: это и трудовые будни, и досуг, и праздники, и материальное потребление, и жизненные условия и т. д. [2, с. 125].

Рассматривая структуры повседневности, Н. Л. Пушкарева в статье «“История повседневности” и “история частной жизни”: содержание и соотношение понятий», в частности, пишет: «Историка повседневности – в отличие от историков в чистом виде и этнографов – интересует все: и история быта, и событийная история (влияние тех или иных событий на повседневный быт людей), и история казусов, и история ментальностей и ментальных стереотипов, т. е. историческая психология, а вместе с ней – история личных переживаний человека. Иными словами, подходы историка повседневности интегративны...» [6, с. 96].

Современное состояние историографии истории повседневной жизни свидетельствует о том, что эта тема как никогда актуальна, поскольку, говоря

словами Ю. А. Полякова, «история повседневности – сумма миллиардов судеб людей, живущих в далеком и близком минувшем, имеющих как общие глобальные черты, так и специфические, региональные, национальные, наконец, индивидуальные. Задача – обрисовать их образ жизни в историческом разрезе, выявляя общее и особенное, неизменное, сохраняющееся столетиями, и новое, ежедневно рождаемое буднями» [2, с. 125].

Изучение истории повседневной жизни осуществляется, как правило, на уровне региональных исследований; это обусловлено, в первую очередь, тем, что формы бытия в разных регионах и в разные времена различны. В этой связи обращение к истории Байкальской Сибири, являющейся феноменальной моделью социально-экономического и социокультурного развития, территории, прилегающей к уникальному озеру Байкал, в целом и ее отдельных частей – достаточно репрезентативное пространство для исследования. Байкальская Сибирь с точки зрения понятия исторического – регион длительного периода заселения и формирования социокультурных традиций, вобравших в себя опыт предшествующих поколений, связанный со способами расселения людей, природопользованием, разделением труда, организацией хозяйства, выживания в суровых природно-климатических и историко-географических условиях, социальными отношениями, формами административного устройства. Здесь гораздо четче, чем в иных местах, прослеживается зависимость процессов расселения людей, складывания этнических общностей, формирования культурно-хозяйственных типов, видов экономической деятельности и социальной организации, а значит, и стратегий выживания, мироощущения и мирозерцания людей от природно-географических условий. Сегодня нельзя понять и объяснить многие явления в отечественной истории, в том числе и повседневные практики, без учета природно-географических факторов.

То, что в XX в. территория Байкальской Сибири стала местом, где разворачивались широкомасштабные модернизационные преобразования, привело к ломке традиционного повседневного уклада и вызвало к жизни совершенно иные формы бытия, новые потребности и интересы, другое сознание и мироощущение. И здесь историкам предстояло ответить на вопрос: существовал ли в условиях модернизационных и социокультурных трансформаций конфликт между традиционным повседневным укладом жизни общества Байкальской Сибири и новыми тенденциями; насколько оно оказалось готово к восприятию новых веяний; какова была обратная сторона этого процесса – влияние традиций на характер модернизационных процессов; насколько глубоко они укоренились в сознании народа?

Население Байкальской Сибири, формировавшееся на протяжении нескольких веков и особенно активно менявшееся в XX в., не было единым ни по происхождению, ни по этническому составу, однако общие условия сибирской жизни и хозяйственной деятельности привели к формированию новой социокультурной общности – сибиряков, отличавшихся от иных общностей не только по своему физическому облику, но и образу жизни, характеру и привычкам.

Современная проблематика сибиреведческих исследований в целом и отсутствие сколь-нибудь значимых работ по истории повседневной жизни населения Байкальской Сибири в XX в. свидетельствуют о том, что это направление является достаточно перспективным для сибиреведов. Отрадно отметить появление ряда серьезных публикаций С. В. Сарапуловой, представленных в материалах различных конференций, по теме «Повседневная жизнь населения Приангарья в послевоенные годы»; статей Р. А. Деминой о повседневной жизни иркутян в 1920-е гг.; Т. К. Пипченко о материальной и бытовой сторонах жизни населения Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг.; А. В. Паламарчук об организации «безбожного» быта в Восточной Сибири в первые десятилетия советской власти. Несомненно, значительный материал по истории повседневной жизни населения Сибири в послевоенный период содержится в монографиях А. В. Шалака [7]; по организации досуговой и творческой повседневности в молодых индустриальных городах Иркутской области – в монографии Л. М. Салаховой [4]. В настоящее время разрабатываются темы повседневной жизни городского населения Приангарья в годы Великой Отечественной войны и в период формирования Братско-Усть-Илимского ТПК; повседневной жизни немецкого населения приангарских сел; сибирских женщин в первой четверти XX в. и т. д.

Несомненно, обращение к сюжетам истории повседневной жизни населения Байкальской Сибири ставит перед историками серьезную задачу переосмысления источниковой и методологической базы исследований. Поскольку тема повседневности безгранична, то и источники по ней полифоничны. Это и специальная (неисторическая) литература; и материалы смежных дисциплин (статистики, юриспруденции и т. д.); воспоминания, дневниковые записи, документы эпистолярного жанра; массовая периодическая печать; художественная литература, в которой, как правило, подробно описываются быт героев, их чувства и переживания; и, наконец, устные источники, которые позволяют расширить рамки исследований и в плане тематическом, и в плане информативном, и эмоциональном. Время значительно изменило самих носителей информации – простых людей, они стали более открытыми, изменились их личностные и психосоциальные установки, в связи с чем использование устной истории стало более эффективным. В большинстве исследований, названных ранее, авторам удалось привлечь богатый пласт устных рассказов жителей Приангарья, в первую очередь благодаря деятельности сотрудников Научно-исследовательской лаборатории гуманитарных исследований Братского государственного университета, собравших уникальный архив устной истории.

Переход от макроистории к микроистории требует от исследователя и освоения таких методов, которые позволяют осознать не только социальные процессы, но и, в первую очередь, повседневный опыт жизни людей в конкретных исторических условиях и в конкретном пространстве. Работа по освоению теории и практики смежных дисциплин и внедрению результатов этого поиска в исследовательскую практику создает условия для консолидации исследователей на региональном уровне.

Литература

1. *Кром М. М.* Историческая антропология / М. М. Кром. – СПб., 2004.
2. *Поляков Ю. А.* Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. – 2000. – № 3.
3. *Репина Л. П.* Социальная история в современной историографии (методические материалы к спецкурсу) / Л. П. Репина. – М., 2001.
4. *Салахова Л. М.* Культура молодых индустриальных городов Восточной Сибири середины 1950–1980-х гг.: опыт Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса / Л. М. Салахова. – Братск, 2005.
5. *Соколов А. К.* Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии : материалы II науч. чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. – М., 2000.
6. Социальная история. Ежегодник. 2004. – М., 2005.
7. *Шалак А. В.* Социальные проблемы населения Восточной Сибири: (1940–1950 гг.) / А. В. Шалак. – Иркутск, 2000.

Everyday Life of Baikal Siberia Population in the 20TH Century as a Scientific Problem

L. V. Zandanova

The article is dedicated to the historical aspects of Baikal Siberian population everyday life as a scientific problem.

Key words: Baikal Siberia population, everyday life history, scientific problem.

Занданова Лариса Викторовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России Иркутского государственного педагогического университета, e-mail: zandanova@mail.ru